

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВРЕМЯ ГОДА — ЗИМА СИМА СЕМА СЕРА МЕРА ЛЕТА ЛЕТО

Элизабет Летин с трудом отодвинула покосившуюся калитку, которая вела во двор убогого домика, принадлежавшего её тёте и дяде.

К двери дома, где они жили втроём, был приклеен скатанный в трубочку конверт. Письмо. Она сразу поняла, что ничего хорошего это письмо не сулит. Элизабет представляла себе, о чём оно может быть.

Подниматься на крыльцо пришлось осторожно, потому что ступеньки обледенели. Дядя Бурлап никогда их не чистил. Элизабет поставила на крыльцо свой школьный рюкзак и движением головы освободилась от капюшона. Полетели брызги. Она отлепила конверт от двери и открыла его:

«Мы неоднократно говорили тебе, что уезжаем в отпуск на три недели и что ты не можешь жить без нас одна. Так что это письмо не должно тебя удивить. Дом крепко заперт. В конверт вложен билет на поезд, который отправляется в 6 часов 20 минут. Ты сядешь на этот поезд. Когда утром сойдёшь в Стернхевене, в кассе на автобусной остановке тебя будет ждать ещё один билет — на автобус. Этот автобус идёт до отеля «Зимний дом». Там тебя ждут. На случай, если в дороге тебе что-нибудь понадобится, в конверте — три доллара. Обратный билет тебе вручат после Нового года. Не создавай никому проблем. Обойдись без своих обычных фокусов!»

Элизабет изучила билет на поезд. Шесть часов двадцать минут наступало через три часа — это были первые три часа её рождественских каникул. Ну да, всё сделано так, как они обещали. Последние две недели дядя и тётя постоянно твердили, что на Рождество уедут отдыхать, а её куда-нибудь отправят. И теперь они действительно уехали. Элизабет посмотрела на улицу. Очки её запотели, но всё равно она видела, что снегопад усиливается.

На дверной ручке висел полиэтиленовый пакет, с каким обычно ходят за продуктами. Элизабет заглянула внутрь: там были сложены три её рубашки, две пары носков, джинсы и кое-какое бельё. Она внимательно рассмотрела три грязных долларовых банкноты, столь щедро выданные ей. Элизабет представила себе, как тётя Пурди тонкими пальцами

Zugabe

Handwritten scribbles on a rug, possibly including the number 33.

вытаскивает их из кошелёчка и нехотя вкладывает в конверт. В её воображении дядя Бурлап стоял рядом и подозрительно взирал на банкноты, как будто их было слишком много. Она позволила картине развеваться, словно тёплому облачку дыхания в холодном воздухе.

Элизабет ещё раз перечитала письмо. Она сунула его в карман куртки вместе с деньгами и открыла свой рюкзак. Там лежали четыре книги в мягких обложках, которые школьная библиотекарьша разрешила ей взять на зимние каникулы, и её собственная «Аня из Зелёных Мезонинов». Из-под книг Элизабет вытащила карандаш и небольшой блокнот. Это был перекидной блокнот на спирали, с зелёной обложкой, изношенный и в загибах. В такие блокноты официанты записывают заказы. Элизабет распахнула его, и на пятой странице — это была запись номер сорок три в её списке, озаглавленном «Причины, по которым мне *не нравятся* мои дядя и тётя», — она написала: *«Потому что они отправляют меня непонятно в какой отель на Рождество без денег и почти без одежды»*.

Затем она убрала блокнот, запихнула в рюкзак пакет с одеждой и застегнула молнию. Девочка уже собралась уходить, но взглянула на дверь, и при виде липкой ленты, которой к двери был приклеен конверт, вдруг стала задыхаться, и глаза её наполнились слезами. И тогда, не сознавая, что делает, она со всего маху ударила рукой по фанерной двери.

Получился резкий хлопок, как будто на деревянный пол упала книга. Элизабет вздрогнула, поражённая чувством, что неожиданно родилось внутри неё.

Она оглянулась, не видит ли кто, но вокруг никого не было. Темнота напозала на пустые улицы, а снегопад усиливался всё больше. Элизабет вздохнула и подняла свой рюкзак.

«Ну почему мои родители не будут со мной снова?» — подумала она.

И тогда, поскольку у неё не было ни друзей, у которых можно было бы прожить эти три недели, ни возможности избежать гнева дяди и тётки, если она их послушает, Элизабет смирилась с необходимостью прошагать полторы мили до станции и ждать там поезд на Стернхевен. Она надела рюкзак и направилась к воротам. Но когда двор остался за спиной, к ней снова пришло ОЩУЩЕНИЕ, которое захватило её с ног до головы. С широко раскрытыми глазами она замерла на месте, гадая, что случится на этот раз. Её сердце быстро заколотилось. Но стояла тишина. И вдруг позади неё что-то прогрохотало.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТРАННЫЕ ПАССАЖИРЫ,

ГЛАЗА-ИГОЛКИ ВНЕ ЛОГИКИ

У Элизабет случались моменты, когда она была уверена в том, что что-то — хорошее или плохое, прикольное или не очень — непременно должно произойти. Она называла это состояние *ощущением*. И не могла объяснить ни причины этой уверенности, сопровождавшей *ощущение*, ни источника самого *ощущения*. Она только знала, что это началось прошлым летом и происходило всё чаще по мере приближения зимы. Что было действительно странным, так это факт, что происходящие странности, казалось бы, не имели никакой причины или объяснения. Или книжка вдруг упадёт с ближайшей полки, или стакан свалится в раковину, или её пустой ланч-бокс вдруг

соскользнёт со стола, пока она ест картофельное пюре с подливкой в школьной столовой. Она только знала, что перед каждым таким инцидентом её живот начинал пульсировать, и это вселяло уверенность, что сейчас что-нибудь произойдёт. Когда *ощущение* посетило её на заснеженной улице, она не удивилась, услышав сзади грохот.

Элизабет обернулась и увидела, что калитка, которую она не трогала и которая вообще была не способна раскачиваться, вдруг резко захлопнулась. Элизабет вздохнула с облегчением. По сравнению с разбитой тарелкой или упавшей книгой это происшествие выглядело безобидным. Но, хотя она почти перестала пугаться всех странных шлёпаний и падений, ей хотелось понять, почему так происходит и откуда само *ощущение*.

Элизабет ещё раз огляделась, не заметил ли кто-нибудь грохота захлопнувшейся калитки, но никого не увидела. Глубоко вздохнув и бросив последний взгляд на дом дяди и тёти, она направилась к станции.

На следующий день вечером Элизабет сидела и смотрела, как снег падает уже за окном автобуса, разрисованным инеем. Позади был ночной переезд на поезде и пятичасовое ожидание на автобусной остановке. За это время она съела совсем чуть-чуть: остаток сэндвича с арахисовым маслом от школьного обеда, семечки с изюмом, которые купила за доллар тридцать пять центов, и шоколадный батончик, оказавшийся в кармашке для журналов её кресла

в поезде. Она старалась не думать о том, что могло бы нагнать тоску, когда подъезжала всё ближе и ближе к тому месту, где ей предстояло провести рождественские каникулы в ужасной гостинице. Гостиница ей представлялась как нечто среднее между домом для престарелых и отвратительным приютом, куда забирают детей в «Золотом компасе» — одной из её самых любимых книг. Семь лет с тех пор, как Элизабет отправили жить к дяде и тётё, она мечтала, что кто-нибудь придёт и спасёт её. Девочке было одиннадцать лет. Три недели в отеле «Зимний дом» представлялись ей не счастливой случайностью, а скорее хитроумным наказанием, которое ей состряпали. Помимо того, что она предвкушала пышный праздник, который проходил 21 декабря в общественном центре возле школы, у неё было четыре библиотечных книги, которые ей хотелось спокойно прочитать в своей комнате. Как только тётя с дядей сказали о своём отъезде, она принялась умолять их разрешить ей остаться жить одной на все длинные каникулы, уверяя, что она уже достаточно взрослая и может сама о себе позаботиться. Сейчас было понятно, что шансов не было никаких.

С того момента, как письмо попало к ней в руки, Элизабет не переставала думать, где же они смогли найти деньги на то, чтобы отправить её на поезде и тем более — оплатить трёхнедельное проживание в отеле. Элизабет не понадобилось и двух лет совместной жизни, чтобы понять, что дядя и тётя очень бедны. Дядя Бурлап сортировал письма с неправильно написанными адресами в дальней комнате на почте в Дрире (маленьком городке,

на окраине которого они и жили). В свою очередь, тетя Пурди пять дней в неделю патрулировала дрирские улицы, охотясь за алюминиевыми банками. Вместе с дядей Бурлапом раз в месяц они сдавали эти банки в Смелтервиле — большом городе, расположенном в полчаса езды на юг. Иногда в эти поездки они брали с собой Элизабет. Это было самое большое расстояние, на которое она отъезжала от Дрира. По крайней мере, другие поездки не сохранились в её памяти. Отправить её в такое путешествие — это казалось Элизабет абсолютно нелепым. Она сидела в автобусе и со всех сторон обдумывала ситуацию.

Пыхтящий красно-белый полупустой автобус отъехал от станции на семь остановок к северу. Элизабет сидела в мягком кресле с удобным подголовником и решала кроссворд из газеты, которую она нашла в багажной сетке над своим местом. Кроссворды у неё получались хорошо. На самом деле она отлично справилась со всеми интеллектуальными задачами: головоломки «найди слово», «виселица», краестишие, криптограммы и загадки со словами. Особенно Элизабет любила анаграммы, и она уже мысленно перегруппировала буквы из написанного на автобусе названия транспортной компании «Гамма Хаб» в «Магма Бах».

На восьмой остановке вошла полная женщина в тёплом шерстяном пальто и с морщинистым лицом. Она остановилась возле Элизабет и коротко показала на кресло рядом с ней.

— Занято? — спросила она тоном, который очень сильно напоминал манеру разговаривать тётки Пурди.

Хотя Элизабет была голодной, уставшей и слегка рассерженной, она нашла силы приятно улыбнуться.

— Место свободно, пожалуйста, садитесь, — сказала Элизабет, которая всегда старалась разговаривать со взрослыми так, как ей хотелось, чтобы они говорили с ней.

Женщина подняла брови, взгромодилась на кресло и заёрзала локтями туда-сюда, чтобы поудобнее устроиться. Она гневно фыркнула и бросила на Элизабет сердитый взгляд, словно удивляясь, что та по-прежнему здесь.

— Какой у Вас красивый драп, — сказала Элизабет, намереваясь предпринять ещё одну попытку быть любезной, а также радуясь возможности опробовать новое слово, которое она когда-то вычитала в «Мэри Поппинс».

Женщина открыла рот и уставилась куда-то вниз на своё грубое жёлто-зелёное пальто, как если бы искала на нём пятна от супа. Затем посмотрела на Элизабет и сухо произнесла:

— Что ещё за пышное название для моего пальто?

Элизабет почувствовала себя так же, как чувствовала всегда, когда тетя Пурди обрывала её. Она подумала, что сделала большую ошибку, предложив женщине сесть рядом.

— Нет, — сказала она, — я имела в виду «тушь для ресниц». Иногда я путаю слова.

Она вновь погрузилась в кроссворд.

Минут через пять, когда автобус уже покатился дальше, женщина спросила:

— И куда же маленькая девочка вроде тебя направляется в одиночку?

— «Зимний дом», — сухо ответила Элизабет. Она продолжала решать свой кроссворд, параллельно вспомнив о рекламном буклете, который тётя Пурди оставила на столе в кухне неделю назад, как выяснилось, по ошибке. Единственная картинка, на которую успела посмотреть Элизабет, изображала группу пожилых людей, в странных шляпах и ещё в чём-то, напоминающем длинные чулки. *«Еженочные хорошие концерты на празднествах в отеле «Зимний дом», — гласил заголовок. «Торжественные ужины, накрытые в нашем торжественном Зимнем зале! Прославленные лекторы читают лекции на прославленные темы! С видом на прелестное озеро Луны!»*

— Это отличное место! — отметила женщина с морщинами. Казалось, при упоминании об отеле её лицо просветлело. — Я сама всегда хотела попасть туда. Тебе очень повезло, девочка!

Элизабет смотрела мимо женщины на семью, которая занимала два ряда кресел через проход. Все последние два часа она украдкой бросала на них взгляды, наблюдая, как отец касался руки своей дочери — девочки примерно того же возраста, что Элизабет, и показывал ей в окно на какие-то объекты, едва различимые за завесой снега. Элизабет отметила, что мальчик прилёт на мамины колени и в таком положении заснул. Мама была не против. Наоборот, она с удовольствием погладила его по щеке и подняла воротник его курточки наверх.

— Да уж, — повторила женщина, сидевшая рядом с Элизабет, — тебе очень повезло.